

Османов Евгений Анварович

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория оперативно-розыскной деятельности

Проблемы толкования понятия «социальная группа» при квалификации преступлений экстремистской направленности

Аннотация. В статье рассматривается понятие «социальная группа» при квалификации преступлений экстремистской направленности. Приводится ряд его определений и классификация. Делается сравнение социологического и уголовно-правового подхода к понятию социальной группы. Сформулировано предложение об уточнение данного понятия в уголовном законодательстве применительно к преступлениям экстремистской направленности.

Ключевые слова: социальная группа, преступления экстремистской направленности.

Одним из ключевых понятий, использованных законодателем в диспозиции ст. 282 УК РФ, является возбуждение ненависти и вражды в отношении представителей какой-либо «социальной группы». Анализ данного понятия важен потому, что оно применено не только в анализируемой норме, но и является родовым для всех преступлений, совершаемых по экстремистским мотивам, используется при формулировании определения преступлений экстремистской направленности в Примечании 2 к ст. 282.2 УК РФ и в квалифицирующих признаках ряда конкретных преступлений.

Понятие «социальной группы» изначально социологическое. В специальных изданиях, она определяется как «объединение более двух лиц, связанных общением (системой отношений) и общей целью, ориентированных на общие ценности и обособленных... от иных социальных общностей, в

первую очередь от иных социальных групп» [1, с. 275], а в социологическом словаре как «совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих общественно необходимую функцию в структуре общественного разделения труда и деятельности» [7, с. 151].

Р. Мертон дает следующее определение социальной группы: «...совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют, осознают свою принадлежность к группе и считаются ее членами с точки зрения других людей» [5, с. 97]. Оно включает как объективный, так и субъективный элементы. Первый характеризует реальное взаимодействие людей, а второй означает самоидентификацию индивидов как членов определенной группы и такое их восприятие другими людьми. Последнее следует признать наиболее важным для уголовно-правовой квалификации экстремизма.

Для правоприменительной деятельности представляет интерес классификация социальных групп на формальные и неформальные. К первым относятся группы, обладающие определенным правовым статусом. Они создаются для решения определенного круга задач, достижения определенных целей, имеют определенную структуру, закрепленные в учредительных документах права и обязанности членов. В качестве примера можно привести производственные коллективы, студенческие группы и т. д.

Что касается неформальных групп, то они основаны на добровольном объединении и возникают на основе общности интересов. В них отсутствует строгое закрепление ролей за участниками, закрепления прав и обязанностей. Примерами неформальных групп могут стать и общество защитников природы, и движение футбольных фанатов. В то же время в научной литературе отмечается, что социальными нельзя будет считать криминальные группы лиц, поскольку они асоциальны по своей природе и включают людей противопоставляющих себя обществу, намеренно нарушающих установленные в нем законы [3, с. 31].

Отметим, что между социологическим и уголовно-правовым подходом к понятию социальной группы существует большая разница.

Во-первых, о социологической классификации социальных групп человек иногда и не подозревает, и не задумывается, о том, что, оказывается, он принадлежит к той или иной группе (например, к социальной группе неженатых мужчин). А в уголовном праве, особенно при квалификации унижения достоинства, необходимо принимать во внимание то, что социальная группа – это не просто совокупность людей, объединенных по каким-либо формальным или неформальным признакам, важна групповая социальная позиция, которую занимают эти люди, то, что они позиционируют себя как члены именно этой группы. Кроме того, при квалификации деяния как преступления экстремистской направленности определяющее значение для юридической оценки деяния имеет отнесение потерпевшего к такой группе с позиции виновного. Ненависть или вражда в рассматриваемом преступлении специфичны своей демонстративностью, отвлеченностью от личных качеств конкретного адресата, персоны, стремлением видеть в ней действительные или приписываемые всей группе недостатки, ничтожностью или отсутствием непосредственного повода к этому конфликту. В то же время виновный считает себя принадлежащими к «лучшей», с его точки зрения, социальной группе.

Второе, отличие касается классификации разновидностей социальных групп. Если для социологов подкритериями социальной дифференциации могут быть любые признаки, то в уголовном праве дефиниция социальной группы имеет более узкие рамки, в противном случае большинство видов человеческой деятельности могло бы подпадать под определение преступлений экстремистской направленности.

А.И. Кравченко отмечает, что «совокупная численность человеческих групп на Земле превышает численность населения в 1,5–2 раза. Так, на планете проживает более 5 млрд. человек, а количество групп, по оценкам специалистов, доходит до 8–10 млрд., и все это возможно благодаря тому, что один индивид может состоять в 5–6 группах» [2, с. 167]. Мы согласны, что

буквальное толкование анализируемого понятия позволяет признать потерпевшими от экстремизма участника любой из неисчислимого множества социальных групп, например, болельщиков каждой из существующих спортивных команд, что может привести к неоправданно широкому применению уголовно-правовых норм в преступлениях экстремистской направленности.

В научной литературе также идет дискуссия по вопросу о возможности признания социальными группами, охраняемыми законодательством об экстремизме, членов отдельных профессиональных групп. В первую очередь речь идет о работниках правоохранительных органов. З.Л. Шхагапсоев, приводя пример трагических событий, имевших место в Кабардино-Балкарии, когда вооруженные бандиты в общественных местах расстреливали сотрудников правоохранительных органов, а их главарями была поставлена задача убивать любого человека в форме, считает необходимым квалифицировать унижение достоинства людей по указанным мотивам по ст. 282 УК РФ [6, с. 149]. Другие авторы, считают, что позиционирование представителей какой-либо профессии (в том числе находящихся на государственной службе) в качестве относящихся к отдельной социальной группе проявлением опасной тенденции в толковании этого признака [4, с. 82].

В последнее время в правоприменительной практике утвердилось мнение, что, по смыслу статьи 282 УК РФ, к социальной группе нельзя относить сотрудников правоохранительных органов, государственных чиновников и всех тех, кто выполняет свои профессиональные обязанности.

Так, например, оскорбление сотрудников правоохранительных органов, как представителей власти, предусмотрено специальной нормой, входящей в главу 32 УК РФ «Преступления против порядка управления», а их жизнь и здоровье также дополнительно защищены рядом статей Особенной части УК РФ (ст. 317, 318, п. Б ч. 2 ст. 105 УК РФ). Представляется, что введение специальных норм, усиливающих уголовно-правовую охрану тех или иных

социальных групп, должно быть связано с конкретными социально-значимыми признаками.

В уголовном праве перечень побудительных мотивов преступлений экстремистской направленности включает политическую, идеологическую, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду. Это на наш взгляд означает, что охраняемые законом социальные группы должны выделяться на основе разного рода демографических и экономических свойств индивидов – половых, возрастных, этнических, происхождению и уровню доходов. Причем квалификация преступления, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды исключает возможность одновременной квалификации содеянного по признаку совершения данного преступления по мотивам вражды или ненависти в отношении какой-либо социальной группы.

По нашему мнению, необходимо законодательно сформулировать понятие социальной ненависти и вражды. В то же время не совсем оправданным представляется его закрепление в уголовном законе, поскольку оно используется и в других нормативных актах по противодействию экстремизму. Более удачным выходом нам видится, внесение дополнения в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», где сосредоточены основные понятия. Указанную норму можно дополнить ч. 5 следующего содержания: «Под социальной ненавистью или враждой следует понимать острое неприятие личности в силу каких-либо ее общественных признаков, как-то: пол, возраст, социальный статус, происхождение, уровень доходов».

В заключение отметим, что квалификация преступления, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, исключает возможность одновременной квалификации содеянного по признаку совершения данного преступления по мотивам вражды или ненависти в отношении какой-либо социальной группы.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная группа – это совокупность людей, имеющих общий социальный признак, которые определенным образом взаимодействуют, осознают свою принадлежность к группе и считаются ее членами с точки зрения других людей. Использование в антиэкстремистском законодательстве излишне обобщенного словосочетания «какая-либо социальная группа» без указания определенных и существенных отличительных признаков такой группы является одним из наиболее существенных недостатков законодательного определения преступлений экстремистской направленности.

Литература

1. Гревцов Ю.М. Социология. СПб., 2003.
2. Кравченко А.И. Социология для юристов. М., 2010.
3. Медведева Н.Е. Криминологические особенности и понятие преступной группы несовершеннолетних, совершающих кражи // Российский следователь. 2007. № 16.
4. Оленников С.М. Пределы ограничения свободы слова средствами уголовного права: проблемы законодательной конструкции статьи 282 УК РФ // Адвокат. 2010. № 2.
5. Цыбелов А.А. Содержание некоторых криминообразующих состава преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ // Современное право. 2008. № 11.
6. Шхагапсоев З.Л. Дефиниция социальной группы в преступлениях экстремистской направленности // Общество и право. 2011. № 5.
7. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 2005.